

Ю. А. Сединина-Барковская

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА МИНОТАВРА
В СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

**(на материале дилогии Г. Л. Олди
и А. Валентинова «Нам здесь жить» и трилогии
Ю. Брайдера и Н. Чадовича «Охота на Минотавра»)**

И снова различаю под ногою
зловещий след в пыли. И слышу снова,
как вечера, сойдясь в кольцо тугое,
рокочат ревом или эхом рева.

Х. Л. Борхес «Лабиринт»

Использование различных пластов древней мифологии, и в первую очередь мифологии античной, при разработке собственной знаковой системы, как нами неоднократно отмечалось ранее, уже давно стало одной из отличительных особенностей современной фантастической литературы. Одним из наиболее выразительных и предоставляющих обширное поле для различного рода аллюзий и толкований является с детства известный практически любому человеку миф о Минотавре. В предыдущем выпуске данного сборника нами анализировалась особая смысловая нагрузка указанного образа и связь его трактовки с античными источниками в дилогии «Нам здесь жить» признанных мастеров жанра – украинских фантастов Д. Громова, О. Ладыженского (псевдоним – Г. Л. Олди) и А. Шмалько (псевдоним – А. Валентинов). Однако нам показалось уместным вернуться к данному образу и более подробно остановиться на не рассмотренных нами ранее аспектах преломления в нем традиционной мифологии, но на этот раз в сопоставлении с трилогией «Охота на Минотавра» ведущих представителей белорусской фантастической литературы Ю. Брайдера и Н. Чадовича. Данная трилогия посвящена путешествиям в ментальном пространстве нашего современника, бывшего студента и жертвы теракта Олега Наметкина (по забавному совпадению, тезки главного героя «Нам здесь жить» – Олега Залесского), вместе с высокой степенью инвалидности получившего способность оказываться, причем в буквальном смысле слова, в шкуре представителей различных эпох и народов. В сущности, авторы представляют нашему вниманию любопытную нетехногенную интерпрета-

цию традиционного сюжета о машине времени, которая позволяет им продемонстрировать собственную трактовку мифа через восприятие героя, уже (хотя бы в общих чертах) знакомого с трактовкой традиционной, что кажется нам интересным творческим решением. Первый роман трилогии «Гвоздь в башке» как раз и повествует нам о пребывании героя на Крите и многоступенчатых попытках не допустить вытеснения человеческой расы расой минотавров.

В первую очередь нам кажется уместным рассмотреть ономастический аспект персонажей. Большинство античных источников миксантропическое мифологическое существо, фигурирующее в указанном мифе, традиционно именуется Минотавром – «быком Миноса» (греч. *ta\$ro-* ‘бык’). Именно данную номинацию мы встречаем в романе Г. Л. Олди и А. Валентинова, причем чаще всего в виде уменьшительно-ласкательной производной Миня. Однако Плутарх, излагая в числе прочих материалистическую версию подвига Тесея, ссылается на труды историка конца IV в. до н. э. Филохора и называет противником греческого героя полководца минойцев Тавра, знаменитого своей надменностью и жестокостью (Плутарх. Тесей. 19). Первый Ватиканский Мифограф также упоминает Тавра в качестве писца Миноса и любовника Пасифаи, объясняя происхождение имени Минотавр следующим образом:

«Так как она родила близнецов, одного от Миноса, другого от Тавра, то и говорят, что она родила Минотавра» (I, 43, 12 [10, 87]).

В свою очередь, в «Мифологической библиотеке», приписываемой Аполлодору, указывается собственное имя рассматриваемого нами мифологического существа, в то время как традиционное «Минотавр» выступает скорее в качестве прозвища:

«Появившийся бык сошелся с ней, как с настоящей коровой, и Пасифая родила Астерия, прозванного Минотавром» (III, 4 [1, 49]).

Вариант данного имени мы находим и у Павсания:

«...Тесей <...> победив Астериона, сына Миноса, вернулся с Крита» (Павсаний. Описание Эллады. II, 31, 1 [9, 175]).

Следует отметить, что мы также встречаем у Павсания номинацию «Минотавр», однако она довольно последовательно сопровождается уточнением «так называемый» (I, 22, 5; I, 27, 8; III, 18, 7).

В начале романа Ю. Брайдер и Н. Чадович, определяя имя мифологического героя, компилируют различные источники:

«Мне до сих пор неизвестно – по-прежнему ли там царствует Минос или власть перешла к свирепому Астерию, называемому также Тавром» [2, 7].

Следует отметить, что авторы не уточняют, называют ли Минотавра данными именами современные ему греки и критяне, либо указанные сведения почерпнуты Олегом Наметкиным из научной литературы, старательно проштудированной им перед визитом на Крит. Впрочем, имя «Тавр» употребляется авторами только один раз, в приведенном выше отрывке, в дальнейшем же за указанным персонажем прочно закрепляется имя «Астерий». Что касается номинации «Минотавр», то данное существо в соответствии с определением, содержащемся в «Мифологической библиотеке», воспринимает его именно как прозвище:

«Хотя на прозвище “минотавр” я не обижаюсь. Надо ведь нам как-то называться. Не людьми же!» [2, 19].

Как мы видим из приведенного отрывка, указанное прозвище также рассматривается в качестве вербальной возможности противопоставить себя человеческой расе:

«Стесняться нужно не нам, богоизбранным минотаврам, а вам, обезьянним отродьям. Ваши дни сочтены! Скоро над миром воцарится совсем другая раса!» [2, 19].

Следует заметить, что указанное определение людей, в свою очередь, является явным анахронизмом. Однако в дальнейшем размножившаяся с течением времени раса минотавров получает иное самоназвание – «кефалогереты»:

«Кефалогереты – вот, значит, как называют себя минотавры. Как же это лучше перевести? Если дословно, то собиратели голов. Не чужих, конечно, а своих собственных. В том смысле, в каком Геракла можно назвать собирателем физической мощи. Но понятнее и проще будет – головастые. Так иногда величают самого Зевса.

“О, Зевс Головастый, покровитель чужеземцев...” Уж и не помню, откуда это. Кажется, из “Немезиды” Кратина...» [2, 233].

Особо следует подчеркнуть, что «кефалогерет», а точнее «кефалегерет» (греч. **kefalhger1th-**), отнюдь не является традиционным эпитетом Зевса, а представляет собой авторский каламбур одного из ведущих представителей «древней» аттической комедии Кратина (умер около 420 г. до н. э.), созданный по образцу гомеровского «нефелегерет» (греч. **nefelhger1th-** ‘тучесобиратель’). Мы встречаем его в комедии «Хирон»:

Со древним Кроном, прю соединившим браком,
Тиранна мощного произвели на свет.
Бессмертными прозван он «Кефалегерет».

Перевод С. Дестуниса

Однако и в приведенном выше отрывке, и в достаточно вольно цитируемой авторами «Немезиде» под личиной верховного божества скрывается Перикл, крупнейший государственный деятель Афин и постоян-

ная мишень ядовитых нападков современных ему комедиографов. Вышеупомянутые остроты в своем жизнеописании Перикла приводит Плутарх, указывая также и причину, породившую достаточно большое количество весьма обидных для выдающегося политика прозвищ:

«Тело его не имело никакого недостатка; только голова несколько была продолговата и несоразмерна. По этой причине в изображениях представлен он всегда со шлемом – по-видимому, художники не хотели обнаружить сего безобразия» (Плутарх. Перикл. 3 [11, 213]).

Вне всякого сомнения, именно данный факт оказал влияние на создателей «Охоты на Минотавра», позволив им также снабдить своего героя шлемом, используемым им для маскировки своей неординарной наружности:

«Незнакомец был одет в хитон из грубой ткани и простой солдатский шлем с поперечной прорезью для глаз. Обычно вне боя такие шлемы носят на затылке, но сейчас он был надвинут на лицо...

Внимательно присмотревшись, я произнес:

Ну и шлем у тебя! Таких здоровенных я отродясь не видел.

Голова не маленькая, – солидно ответил он. – Пришлось изготавливать по особому заказу» [2, 16–17].

Образ шлема появляется и в «Нам здесь жить», в финальной части романа, описывающей неравную схватку обитателей Города с вторгшимися на их территорию правительственными войсками, но на этот раз уже в виде ассоциации, невольно возникающей у человека рациональной реальности при столкновении с реальностью мифологической:

«Что-то встает с земли – с грязного мокрого асфальта. Человек! Человек?!...

Тот, кто встал с асфальта, слишком высок. Слишком широкоплеч. Слишком...

Солдаты вновь кидаются вперед, и я лишь успеваю заметить шлем – странный рогатый шлем на голове у высокого, кого только что топтали и били прикладами. Он с ревом бросается на врагов, одним движением сбивая наземь полдюжины черных подшлемников. Остальные вновь отбегают, вскидывают автоматы...

Валентин-Валько подходит к неподвижному черному телу, опускается на корточки, гладит убитого по выпуклому крутому лбу. И вдруг я понимаю, что на неведомом Мине не шлем и не карнавальная маска...» [8, 357–360].

Внешний облик Минотавра в романе Г. Л. Олди и А. Валентинова действительно практически ничем не отличается от традиционных мифологических представлений. Разве что одеждой, но ее, разумеется, диктуют уже требования современности:

«Массивный торс, сплошь в космах бурой шерсти, увенчан тяжкорогатой головой; бугрятся узлами мускулов длинные, до колен свисающие руки, тупые когти на

корявых пальцах... зато чресла чудовища затянуты в самую что ни на есть обыкновенную “варенку”, и из бахромы штанин торчат лохматые бабки с копытами» [7, 290–291].

В свою очередь, Ю. Брайдер и Н. Чадович в значительной степени отступают от мифологической традиции, и Минотавр в их изображении представляется отнюдь не миксантропическим существом, а определенной мутацией:

«Конечно, под шлемом скрывалась отнюдь не бычья морда. Но и не человеческая голова в привычном смысле этого слова.

Никаких рогов, естественно, не было и в помине, однако на висках торчали внушительные шишки, зрительно увеличивавшие размер черепа едва ли не вдвое. Лицевые кости, особенно нос и скулы, резко выдавались вперед, отчего рот казался непропорционально маленьким и каким-то кривым, а чересчур широко поставленные глаза почти соседствовали с ушами» [2, 18].

О человеческой природе Минотавра в указанном романе свидетельствуют и археологические данные о якобы обнаруженном во время раскопок на Крите перед Первой мировой войной скелете, принадлежавшем «вовсе не человеку-быку, что было бы нонсенсом, а именно человеку, пусть и человеку иной биологической формации. Куда более мощному и, если судить по отпечаткам коры головного мозга, оставшимся на внутренней поверхности черепа, куда более сообразительному, чем мы с вами...» [2, 124].

Следует отметить, что попытки материалистического объяснения происхождения Минотавра предпринимались уже в античные времена, что мы наглядно продемонстрировали в приведенных выше отрывках. Гераклит в сочинении «О невероятном» подчеркнуто категорично отмечает не только возможность происхождения потомства от союза женщины с быком, но и саму реальность подобного союза:

«...ведь было бы смешно, если бы царица стремилась к неосуществимой связи» (7).

Однако еще более вдумчивый подход к данной проблеме мы находим в «Описании Эллады» Павсания, который, также в целом подвергая сомнению традиционную мифологическую версию, все же допускает возможность нечеловеческого внешнего вида Минотавра и предлагает для объяснения именно теорию мутации, на которую опираются Ю. Брайдер и Н. Чадович:

«...так как предание об этом не сохранилось, то неизвестно, был ли Минотавр человек или зверь, но и в наше время женщины рожают еще более чудесные, чем он, существа» (I, 24, 1 [9, 80]).

С проблемой определения природы Минотавра довольно тесно связан вопрос о его отцовстве. Даже материалистические античные толкования древнего мифа обычно признают Минотавра плодом внебрачной связи критской царицы Пасифаи. Мифологические источники еще более однозначно видят в нем наглядную улику супружеской неверности и противоестественной страсти:

Рода позор между тем возрастал. Пасифаи измену
Гнусную всем раскрывал двуединого образ уroda.
Принял решенье Минос свой стыд удалить из покоев...

*Овидий. Метаморфозы. VIII, 155–158,
перевод С. Шервинского [6, 169]*

Астерием в романе Ю. Брайдера и Н. Чадовича подобная версия категорично воспринимается как оскорбительная дезинформация, распускаемая недоброжелателями. Обоснованность негодования героя косвенно подтверждается и предсказанием Дельфийского оракула, якобы полученным Минотавром, где последний однозначно назван «законным наследником Миноса» [2, 21].

Значительно сложнее обстоит дело с происхождением Минотавра в дилогии Г. Л. Олди и А. Валентинова. Ни одна из классических мифологических версий не находит своего отражения в романе, поскольку не соответствует авторской концепции произведения. В данном случае Минотавр является скорее не мифологическим, а литературно-мифологическим героем, обретшим материальное воплощение персонажем романа писателя-фантаста и демиурга новой постэсхатологической реальности Алика Залесского «Бык в Лабиринте» (авторское название – «Люди, боги и я»). В соответствии с литературной традицией, восходящей к новелле Х. Л. Борхеса «Дом Астерия», роман был написан от первого лица и первоначально включал не только древнегреческий период, но и злоключения затравленного Минотавра в родном Городе автора. В момент сильнейшего эмоционального потрясения Алик уничтожает современную часть романа:

«Не дам! Я сюда душу вкладывал, в эти строчки, в этого несчастного Миньку, вынужденного скрываться в подвалах и канализационных трубах... не дам!

И твердой рукой я убил текст. Издатель получит своих греков, Тезея и гору подвигов, а это – выкусите!» [7, 295].

Сжигая страницы распечатки на конфорке-«алтарке», герой практически совершает традиционное для жителей Города, существующих в условиях мифологической реальности, но исполненное совершенно нового смысла жертвоприношение, в свою очередь преобразуя реальность

и иницируя материальное воплощение Миньки. Следует отметить, что мотив «вложения души» в целом занимает важное место в структуре романа.

В применении к мифологическому времени всякие попытки хронологии, без сомнения, представляются довольно условными, да и мифологическая традиция не позволяет высказать более-менее однозначное предположение о возрасте Минотавра. Согласно большинству источников, Тесей отправился на Крит с третьим посольством, однако мифографы серьезно расходятся в определении временных промежутков, назначенных Миносом для уплаты человеческой дани. Если следовать Аполлодору (Эпитома. I, 7) и Диодору Сицилийскому (Историческая библиотека. IV, 61), афиняне должны были отправлять корабль с двумя семерками приговоренных раз в девять лет, однако Гигин называет указанную дань ежегодной (Мифы. 41), а соответствующее место у Плутарха (Тесей. 15), согласно комментарию С. Дестуниса, вообще можно трактовать двояко: каждые девять лет либо ежегодно в течении девяти лет [11, 1309]. Следовательно, мифологический возраст Минотавра может варьироваться от весьма юного до вполне сознательного. Поэтому неудивительно, что авторы исследуемых произведений, даже опираясь на данные античной мифологии, в этом отношении также представляют себе Минотавра абсолютно по-разному. Ю. Брайдер и Н. Чадович определяют дань Афин Криту как ежегодную, а герой является мужчиной в полном расцвете жизненной силы, описываемым в соответствии с характеристикой, данной Филохором полководцу критян Тавру, пользовавшимся на Крите большим влиянием (Плутарх. Тесей. 16):

«Боги наградили его всеми доблестями, присущими воину: силой, быстротой, выносливостью, неукротимостью. Здесь, на Крите, ему нет равных ни в борьбе, ни в кулачном бою, ни в поединке на мечах, ни в гонке колесниц» [2, 14].

Трехгодичный цикл также фигурирует в романе Г. Л. Олди и А. Валентинова, однако поскольку действие происходит в мифологической реальности недалекого будущего, то мотив жертвоприношения полностью устранен из данной линии романа. Именно за три года до начала действия романа Миня появляется на окраинах Города, предельно перепуганный непривычной и явно недружелюбной обстановкой. Что же касается возраста героя, то авторами неоднократно подчеркивается его крайняя юность и абсолютно детская доверчивость и трогательность:

«Он смотрел на меня сверху вниз (роста в бугае было добрых два метра), а казалось, что – снизу вверх. Как сын, с надеждой глядящий на строгого отца.

“Папа, можно мне пойти погулять?”

Косматая ручища неуверенно скребет ногтями по моей груди.

...Чадо соображает с полуслова и резво топает в обход кинотеатра, время от времени оглядываясь на меня: не отстал ли? Ну точь-в-точь ребенок – и погулять хочется, и потеряться боязно!» [7, 324–325].

Конечно, детский возраст персонажа определяется и его местом в сюжетной канве произведения: демиург новой реальности Алик Залесский сам является человеком средних лет и весьма странно воспринимался бы читателем в роли отца (пусть в первую очередь и литературного) зрелого Минотавра, однако и мифологические источники позволяют подобную трактовку образа. Также нам представляется важным, что в моменты чрезвычайной опасности добрейший и тишайший Миня-ребенок перевоплощается в действительно монументального мифологического героя, самоотверженно встающего на защиту близких ему людей. Подобную трансформацию мы имели возможность наблюдать в приведенном выше описании оккупации Города. В подобных сценах Минотавр поистине обретает некую божественность, заставляя вспомнить, что, согласно комментарию В. Г. Боруховича, на Крите имя Астерий было эпитетом Зевса [1, 163].

Минотавр мира героев дилогии «Нам здесь жить» абсолютно уникален, тогда как Ю. Брайдер и Н. Чадович предлагают нашему вниманию целую расу минотавров, ведущих свое начало от Астерия и его сестры Ариадны, также изображенной в данном произведении как женская особь указанной мутации. При всей своей кажущейся окказиональности данный мотив все же может найти свое обоснование в античной традиции, поскольку, по версии А. Ф. Лосева, в числе прочих аспектов сложнейшего мифологического комплекса, «Минотавр <...> очевидно, был одной из традиционных фигур критской небесной пантомимы». На чернофигурном сосуде для воды (гидрии), хранящемся в Британском музее, изображены три Минотавра, бегущих широкими скачками, с бычьими хвостами и руками, упертыми в бока [4, 208]. Следует отметить, что целый вымышленный народ быкоголовых людей, своим видом подобных греческим изображениям Минотавра, упоминается в «Правдивых историях» Лукиана (II, 44), однако здесь они носят название «букефалы» – «быкоголовые» (греч. **βοῦς** – ‘бык’).

Возможно, на подобную трактовку образа Ариадны, явившейся в романе непосредственной убийцей Астерия, оказало влияние происхождение данного мифологического персонажа от критской богини, часто изображающейся в ипостаси «владычицы зверей» (**ρ3τνια qhr ^n**). Поскольку «из богов олимпийского пантеона больше всего минойских элементов

сохранила <...> Артемида» [3, 54], также в данном контексте кажется уместным упомянуть древний сицилийский обычай, исполняемый в честь богини так называемыми буколиастами, которые надевали на головы рога и в качестве приношения Артемиде несли караван с изображениями животных [5, 42]. Следует отметить, что после возвращения с Крита Тесей соорудил на площади Трезена храм именно Артемиды Сотеры (Спасительницы) (Павсаний. Описание Эллады. II, 31, 1).

Минотавры в романе Ю. Брайдера и Н. Чадовича ощущают себя более совершенной ступенью эволюции, претендуя на титул сверхчеловека и равенство с богами. Действительно, по воле писателей они явно наделены физиологическими преимуществами перед нашей расой. Однако все это достоинства имеют отношение к рациональной сфере, тогда как в духовном и эмоциональном плане уже Астерием демонстрируется, а с течением времени усиленно прогрессирует явная ущербность:

«Этот народ не имел понятия ни о литературе, ни о философии, ни о теологии, а их история, начинавшаяся с Астерия Непобедимого, представляла собой всего лишь приукрашенный и недостоверный перечень быкочеловечьих побед, описанных по одной и той же примитивной схеме...» [2, 244–245].

В конечном итоге именно данная односторонность приоритетов и приводит к упадку и гибели цивилизации кефалогеретов.

Минька-Минотавр в изображении Г. Л. Олди и А. Валентинова отнюдь не столь грандиозен, в нем гораздо более выражено природное начало, однако благодаря своей способности к любви и самопожертвованию он представляется нам не только гораздо более человеческим, но и в гораздо большей степени воплощающим в себе единство с космическим дыханием вселенной, которое доносят до нас древние мифы.

Вне зависимости от авторской концепции, как нам кажется, можно только приветствовать появление в современной литературе, причем ориентированной на широкий круг читателей, столь разнообразных трактовок знаменитых мифологических образов, причем основывающихся не только на фантазии самого автора (как, к сожалению, происходит в последнее время довольно часто), но и на прочном фундаменте античной мифологии.

Литература

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Аполлодор. Л., 1972.
2. *Брайдер, Ю. М.* Охота на Минотавра / Ю. М. Брайдер, Н. Т. Чадович. М., 2005.

3. *Зайцев, А. И.* Греческая религия и мифология / А. И. Зайцев. М.; СПб., 2005.
4. *Лосев, А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев. М., 1957.
5. *Нильссон, М.* Греческая народная религия / М. Нильссон. СПб., 1998.
6. *Овидий.* Собрание сочинений / Овидий. Т. II. СПб., 1994.
7. *Олди, Г. Л.* Нам здесь жить: в 2 кн. / Г. Л. Олди, А. Валентинов. М., 1999.
Кн. 1: Армагеддон был вчера.
8. *Олди, Г. Л.* Нам здесь жить: в 2 кн. / Г. Л. Олди, А. Валентинов. М., 1999.
Кн. 2: Кровь пьют руками.
9. *Павсаний.* Описание Эллады / Павсаний. Т. I. СПб., 1996.
10. Первый Ватиканский Мифограф. СПб., 2000.
11. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания / Плутарх. М.; СПб., 2006.

УДК 80(082)
ББК 80я43
Ф54

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент *А. В. Гарник*;
кандидат филологических наук, доцент *О. Г. Прокончук*;
кандидат филологических наук, доцент *А. З. Цисык*;
кандидат филологических наук, доцент *Г. И. Шевченко*;
старший преподаватель *К. А. Тананушко*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. А. Кожина*;
кандидат филологических наук, доцент *Т. П. Казакова*

Ф54 **Филологические** штудии = *Studia philologica* : сб. науч. ст. /
под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко ; редкол. : А. В. Гарник
[и др.]. – Вып. VII. – Минск: БГУ, 2009. – 163 с.
ISBN 978-985-518-201-7.

В седьмом выпуске сборника «Филологические штудии» представлены статьи, посвященные проблемам классической филологии, рецепции античной культуры в европейскую, греко-латинской терминологии, даются переводы латинских текстов на белорусский язык.

УДК 80(082)
ББК 80я43

ISBN 978-985-518-201-7

© БГУ, 2009

ОБ АВТОРАХ

Гарник Антонина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Гомон Дмитрий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Забродская Ольга Святославовна – преподаватель латинского языка юридического колледжа Белорусского государственного университета.

Капитула Людмила Семеновна – доцент кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Кириченко Арина Владимировна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Кузнецова Елена Леонидовна – преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Мокрицкая Татьяна Петровна – преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Мушнинна Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания Санкт-Петербургского государственного университета им. А. И. Герцена.

Нарбутас Сигитас – доктор гуманитарных наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела иностранной литературы Института литературы и фольклора Литовской Республики.

Некрасевич-Короткая Жанна Вацлавовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современных иностранных языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Приставко Егор Владимирович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Прокопчук Ольга Генриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Сединина-Барковская Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Стрижевич Екатерина Викторовна – преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Тананушко Кир Алексеевич – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Федосеева Татьяна Валерьевна – преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Цисык Андрей Зиновьевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Шевченко Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой классической филологии Белорусского государственного университета.

Шкурдюк Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.